

Сун Фэй смутился. Он так увлекся поцелуем, что совсем забыл о зрителе рядом. Теперь же, осознав произошедшее, он запоздало почувствовал неловкость. Тем не менее, он попытался сохранить непринужденный вид и позвал:

— Сяо Хэ?

Хэ Чживэнь стоял спиной к двум боевым товарищам и даже не оборачивался, словно на луне танцевала прекрасная дева, от которой невозможно было отвести взгляд:

— Э-э, просто представьте, что меня здесь нет. Продолжайте, главное — чтобы вам было хорошо.

Такое понимание с его стороны заставило Сун Фэя почувствовать себя еще более неловко, и он поспешил предложить:

— Я понимаю, что ты сейчас, должно быть, в замешательстве. Давай я подробно объясню тебе наши отношения с Ци Янем...

— Не надо! — отрезал Хэ Чживэнь.

Сун Фэй остался недоволен. Сначала Чжао Хэ, теперь вот Хэ Чживэнь — оба ведут себя одинаково:

— Да что с вами не так, ребята из второй группы? Почему у вас вообще нет любопытства к окружающему миру!

«...» Да именно потому, что они дорожат этим миром, они и не хотят, чтобы их затаскивали в ворота какого-то нового!

— Вообще-то, мы с Ци Янем...

— Ничего не слышу, ничего не знаю, уши затыкаю!

Ци Яню доводилось видеть тех, кто скрывал свою ориентацию, боясь совершить каминг-аут, но он еще никогда не встречал человека, который бы бегал за другими и настойчиво требовал его выслушать. Он видел тех, кто обиняками расспрашивал друзей, но никогда не видел, чтобы друг сам рвался рассказать, а слушатель затыкал уши. Эти двое боевых товарищей с их перевернутыми с ног на голову отношениями были просто уникальными кадрами.

Но именно эта нелепость неожиданно принесла ему невиданное ранее облегчение.

Возможно, дело было в том, что хуже быть уже просто не могло. По сравнению с перспективой в любой момент оказаться съеденным зомби, крикнуть на весь мир: «Да мне, блин, нравятся парни!» казалось сущим пустяком. Говоря начистоту, кому какое дело? Крикни ты: «У меня есть хлеб!» — и сразу набегут те, кто захочет его отобрать. А вот делить с тобой твою гомосексуальность точно никто не станет, да и времени язвить по этому поводу ни у кого нет.

Это были худшие времена.

Но в то же время, казалось, все не так уж и плохо.

Ци Янь притянул к себе Сун Фэя, который все еще донимал Хэ Чживэня, ласково взъерошил ему волосы и мягко спросил:

— Значит, мы теперь вроде как помирились?

Сун Фэй закатил глаза:

— А то как же. Мне тебе еще и свидетельство о воссоединении выдать?

Ци Янь мысленно выругался. Он уже хотел съязвить, что тот и двух минут не может пробыть серьезным, но вовремя осекся и в итоге промолчал.

Сун Фэй уже приготовился к колкости и даже мысленно сформулировал ответный выпад, но Ци Янь повел себя не по сценарию. От этого Сун Фэй стало ужасно не по себе, и он не выдержал:

— Ты же хотел что-то сказать, да? Говори давай, не сдерживайся, я выдержу.

Ци Янь смутился. Нетерпеливое выражение лица Сун Фэя говорило не просто о готовности терпеть, на нем буквально было написано: «Черт возьми, я этого жду не дождусь!»

Но он больше не хотел возвращаться на проторенную дорожку. Сун Фэй был человеком импульсивным, привыкшим действовать по наитию, но Ци Янь был другим. Полученные уроки он запоминал, камни, о которые споткнулся, обходил стороной. Наступать на одни и те же грабли дважды было не в его правилах. Ван Цинюань сказал, что он не уважает Сун Фэя. Что ж, с этого момента он научится уважению:

— Раньше я был неправ. Все время требовал, чтобы ты подстраивался под мой темп, и никогда не ставил себя на твое место. На самом деле во многом ты гораздо лучше меня... А-а-ай!

Хэ Чживэнь хоть и вернулся к созерцанию луны, но ушки держал на макушке. Он надеялся запомнить парочку красивых фраз, чтобы потом использовать их, когда сам решит признаться кому-нибудь в любви. Но что это еще за «гораздо лучше меня... а-а-ай»?! Неужели в наше время влюбленные не могут нормально разговаривать?!

— Ты что творишь?! — взвыл пришедший в себя студент Ци.

Не выдержав любопытства, Хэ Чживэнь обернулся и увидел, как Сун Фэй тискает и растягивает лицо своего бывшего... э-э, точнее, нынешнего парня, причем с еще большей жестокостью, чем когда щипал его самого.

— Пытаюсь содрать с тебя маску из человеческой кожи, — убедительно заявил Студент Сун. — Ты не Ци Янь. Настоящий Ци Янь никогда бы не признал своих ошибок, а уж тем более не сказал бы, что был слеп и не замечал, какой красавец и умница этот Сун Фэй.

Ци Янь и Хэ Чживэнь в один голос выкрикнули:

— Он этого и не говорил!!!

С раздражением убрав руки Сун Фэя от своего лица, Ци Янь окончательно понял: с этим парнем нельзя ходить вокруг да около, нужно сразу выкладывать суть дела просто и прямо:

— Я больше не буду с тобой препираться. Какие бы разногласия между нами ни возникли, клянусь, мы будем все спокойно обсуждать.

От этой небывалой нежности Сун Фэй растерялся, на мгновение потеряв связь с реальностью. Не веря своим ушам, он переспросил:

— Клянешься?

Ци Янь опустил глаза и лишь спустя некоторое время снова поднял их, пристально посмотрев на этого парня, с которым ему, возможно, суждено было связать всю оставшуюся жизнь. Медленно и серьезно он произнес:

— Я постараюсь.

«Да, это реальность», — окончательно убедился Сун Фэй.

— Тогда я тоже клянусь, что больше не буду бездельничать и стану усердно стремиться к лучшему, как и ты!

— Правда?

— Я буду стараться.

«...» Что делать, если твой парень неисправим? Ответ Ци Яня был прост: терпеть.

Любовь в двадцать лет похожа на погоду в июне: сегодня солнечно, а завтра дождь. Сун Фэй не знал, как долго они продержатся на этот раз и как далеко смогут зайти вместе, но ему хотелось, чтобы это длилось подольше и они ушли как можно дальше. Он не мог отвечать за будущее, поэтому оставалось лишь дорожить настоящим.

Ци Янь не знал, о чем думает Сун Фэй, но, зная его характер, догадывался, что тот вряд ли загадывает далеко вперед. Но это не важно. Он больше никогда его не отпустит и не даст возможности сбежать. Кому-то на роду написано вечно влюбляться, кому-то — сталкиваться с подлецами, а ему на роду написано столкнуться с Сун Фэем. Ну и пусть. Так даже лучше.

Они изрядно взмокли, но во время напряжения этого не замечали. Теперь же, когда они остыли, влажная одежда показалась холодной. Окна были плотно закрыты, но сквозь них все равно словно просачивался сквозняк. Ци Янь потер нос и в конце концов не сдержался и чихнул.

Только тогда Сун Фэй понял, что дело плохо, и поспешно сказал:

— Так не пойдет, тебе нужно снять мокрую одежду. — С этими словами он потянулся расстегивать куртку Ци Яня.

Ци Янь поспешно отпрянул. Сменной одежды у него с собой не было, а в этой аудитории не было ни электричества, ни отопления — ходить в мокром все же лучше, чем совсем без ничего.

Дважды попытавшись поймать его и потерпев неудачу, Сун Фэй догадался о его опасениях и недовольно проворчал:

— Я же не заставляю тебя раздеваться догола. Сними то, что под низом, и оставь только пуховик.

Одежда под курткой была влажной, а сам пуховик внутри оставался сухим.

Ци Янь поначалу хотел перетерпеть, но от мокрой ткани к телу все сильнее подступал холод, так что, поразмыслив, он все-таки разделся. Вновь натянув пуховик, он еще не успел привыкнуть к странному ощущению от соприкосновения голой кожи с подкладкой, как вдруг заметил, что Сун Фэй куда-то пропал. Сердце у него екнуло, и он тут же огляделся по

сторонам, опасаясь, что тот опять что-нибудь выкинет.

Вдруг раздался треск.

— Апчхи!

Студент Сун оправдал все ожидания и в мгновение ока сорвал со стены целую занавеску.

Словно из мести, он не упустил ни единого клочка ткани и целиком накрыл ею голову Ци Яня. Тот долго барахтался, прежде чем высвободить лицо из-под пыльной тряпки:

— Апчхи! Тьфу, тьфу! Сколько лет ее не стирали?!

— Думаю, с тех самых пор, как этот кампус построили и повесили ее сюда, — любезно просветил его Хэ Чживэнь. — Мы во время самоподготовки всегда садились подальше от нее. Стоит задеть — и на тебя выплется килограмма полтора пыли. Зачем она тебе?

— Для тепла, — закатил глаза Сун Фэй, хотя в темноте этого жеста все равно никто не оценил. — Иначе как нам вдвоем пережить эту ночь? Греться друг о друга трением, что ли?

«...» Хэ Чживэнь очень хотел бы верить, что Сун Фэй просто шутит, но почему-то в его голове настойчиво всплывала картина, где двое целуются и лапают друг друга. Ох, похоже, он окончательно испортился.

В сложившихся обстоятельствах приходилось использовать то, что было под рукой. Пока Сун Фэй срывал занавески со второго окна, Ци Янь сдвинул парты к стене, соорудив подобие кровати. Трое друзей улеглись на них, тесно прижавшись друг к другу. Поскольку одежда на Ци Яне была самой тонкой, его устроили посередине: спереди его обнимал Сун Фэй, а со спины подпирал Хэ Чживэнь, служивший мягким «матрасом» — настоящее тройное блаженство. Тяжелые занавески из Института физики, казалось, были сделаны из такой плотной ткани, будто защищали от радиации, и стоило ими укрыться, как вскоре по телу разлилось приятное тепло.

Когда они наконец устроились, было уже около двух часов ночи.

Измотанный Ци Янь быстро погрузился в сон.

Услышав, что дыхание у него за спиной стало ровным, Сун Фэй немного помедлил, а затем осторожно повернулся. Втайне от всех он немного полюбовался в лунном свете красивым лицом своего новоиспеченного парня и, оставшись крайне довольным, уткнулся ему в грудь.

Ци Янь словно почувствовал это во сне: он слегка пошевелился, устраиваясь поудобнее, и крепче прижал к себе Сун Фэя.

Сун Фэй тихонько обнял его в ответ и, наконец успокоившись в этих тесных объятиях, закрыл глаза.

Хэ Чживэнь вздохнул и тоже повернулся на другой бок, устроившись спина к спине с Ци Янем в сугубо дружеской позе. Только после этого он расслабился и отправился в царство Морфея.